

Михаил Безродный

"ЖЕЗЛОМ ПО ЛБУ"

Наутро там нашли три трупа ...
"Лука Мудищев"

Условия написания настоящих заметок¹ исключали возможность определить степень оригинальности предлагаемой гипотезы – единственным ручательством ее новизны послужило для нас отсутствие ссылок на подобные наблюдения в двух недавних публикациях, с которыми нам посчастливилось ознакомиться: "Кастрационный комплекс в лирике Пушкина (Методологические заметки)" И.П. Смирнова² и "Что за дело им – хочу ...": О литературных и фольклорных источниках сказки А.С. Пушкина *Царь Никита и 40 его дочерей*" Г.А. Левинтона и Н.Г. Охотина³. Мы, однако, отдаем себе отчет в том, насколько такое ручательство может оказаться ненадежным, несмотря на впечатляющую осведомленность авторов указанных работ: объектом исследовательского интереса И.П. Смирнова явилась главным образом пушкинская лирика, а Г.А. Левинтон и Н.Г. Охотин изучали генезис сказки с отчетливо гривуазным содержанием; нас же занимали иные по жанру или 'ренOME' сочинения поэта – *Сказка о попе и о работнике его Балде* и *Сказка о золотом петушке*⁴.

Начнем с разбора второй сказки, точнее с анализа образа заглавного героя. Нетрудно заметить, что сюжетные его функции определяются такими аспектами мифологической символики 'петуха', как бодрость, бдительность, прозорливость и воинственность. Но этот вывод, думается, будет достаточен лишь применительно к уровню прямого (явленного) поверхностному чтению) повествования. Владелец петушка – "звездочет и скопец" – за оказанную им услугу требует, вопреки второй своей ипостаси, "девицу, шамаханскую царицу", каковое желание, крайне изумившее царя Дадона ("И зачем тебе девица?"), перестанет казаться парадоксальным, если вспомнить о других символических коннотациях образа 'петуха': креативность, сексуальная мощь, любострастие, – и о восходящей к ним архаической и сохранившейся до настоящего времени (скажем, в детском фольклоре и свадебной обрядности) традиции 'петушьего' обозначения мужских гениталий. Уместно вспомнить и то,

что мотив самостоятельного существования гениталий в облики птиц лег в основу *Царя Никиты*.

По пронизательному наблюдению Р.О. Якобсона, звездочет и золотой петушок связаны метонимическими отношениями⁵. Возьмем на себя смелость детализировать этот тезис: речь, вероятно, может идти о такой разновидности метонимии, как синекдоха, то есть, собственно, о том, что петушок не просто полномерно представляет своего владельца, а выступает именно как *pars pro toto*.

Таким образом, процедура передачи петушка Дадону обретает смысл наделения дряхлого старца жизненной силой; знаменательно возникающее далее сравнение самого Дадона с "птицей". При помощи чудесного дара Дадон овладевает царицей, затмевая своих сыновей, уподобленных "соколам". Сыновья убивают друг друга, и по возвращении Дадона 'битва за царицу' повторяется – уже между царем и звездочетом⁶, тоже обзаведшимся 'оперением' ("Весь как лебедь поседелый"), – и с тем же смертельным для обоих соперников исходом.

Итак, все мужские персонажи сказки уподоблены птицам, и все они находят себе гибель в сетях роковой героини. 'Гибель в сетях' – не просто исследовательская метафора: тему шамаханской царицы активно оформляют мотивы "шелкового шатра" и "сетей". При этом связанные с "шатром" описания подпитывают резервуар эротических аллюзий: "Войско в горы царь приводит | И промеж высоких гор | Видит шелковый шатер. | Все в безмолвии чудесном | Вкруг шатра; в ущелье тесном | Рать побитая лежит. | Царь Дадон к шатру спешит [...] Царь завыл: "Ох, дети, дети! | Горе мне! попались в сети | Оба наши сокола! [...] Его за руку взяла | И в шатер свой увела"⁷. Все это еще больше сближает *Сказку о золотом петушке* с *Царем Никитой*: речь в обоих произведениях ведется (в первом – на уровне скрытого, во втором – прямого повествования) о 'ловле' гениталий-птиц, а функцию 'приманки-ловушки' выполняют гениталии другого пола.

Но вернемся к сцене 'битвы' и обратим внимание на фигурирующие в ней 'орудия' и 'места поражения': царь убивает соперника, хватив его "жезлом по лбу", и сам погибает от удара, нанесенного ему петушком в темя. При том, какое значение, согласно нашей гипотезе, получает образ петушка и какая роль в соответствующей традиции отводится предметам вроде жезла, картина 'битвы' оказывается буквальной – на уровне сюжета – реализацией известной русской прибаутки, не раз, кстати говоря, инсценировавшейся низкими жанрами эротической словесности (ср., например, финал знаменитого "Луки": "Лука воспрянул львом свирепым, | Матрену на пол повалил | И длинным хуем,

точно цепом, | Ей по башке замолотил [...] В одно мгновенье наповал | Елдой своей убил как муху..."⁸.

Если не смерть при похожих обстоятельствах, то во всяком случае тяжелое потрясение, произведенное тем же предметом и способом, венчает сюжет еще одной пушкинской сказки: "Бедный поп | Подставил лоб [...] с третьего щелка | Вышибло ум у старика". 'Фрейдистский' субстрат этого сочинения обнажен рядом сцен и описаний, как например: "Попадья Балдой не нахвалится, | Поповна о Балде лишь и печалится, | Попенок зовет его тятей", или: "Балда [...] сел у берега моря; | Там он стал веревку крутить | Да конец ее в море мочить", или: "И руками-то снести не смог, | А я, смотри, снесу промеж ног". Да и само уже имя героя намекает на присутствие в сказке эротического подтекста: Далем, Фасмером и другими лексикографами зарегистрированы такие широко распространенные значения слова "балда" (от тюрк. *balta* или *baldak*), как 'шишка', 'нарост на дереве', 'толстое корневище', 'дубина с сильно утолщенным овальным концом', 'увесистая колотушка', 'палица', 'большой тяжелый набалдашник', 'молот', 'кувалда' и т.п. (при явной вторичности таких значений, как 'дурень', 'тупица'); ср. также звуковую (и чреватую тематической) перекличку слов "балда" и "елда" (от перс. *yalda*; собственно *penis magnus* или сам *fututor*).

Итак, сказочный Балда предстает обладателем сказочного же органа и/или этим последним, а скрытые сюжеты рассмотренных сочинений обнаруживают разительное между собой сходство: фаллос и/или его владелец поступает на службу к немощному старцу и, выполнив порученное, наказывает 'работодателя' за попытку уклониться от соблюдения условий 'договора'. На обман в обоих случаях старика провоцирует женщина, что сближает эти сказки с еще одной, где тема женской неблагодарности справляет свой триумф, — *Сказкой о рыбке и рыбке*. Последняя, впрочем, кажется, лишена мотива 'договор с фаллосом', а потому, вероятно, не имеет прямого отношения к той интригующей сфере двусмыслиц и домыслов, которую, вослед "сдвигологу" А. Крученых, можно было бы назвать "нау кастрасти нежной".

Примечания

¹ Пользуемся случаем выразить признательность М. Бобрик-Фрёмке и Р. фон Майдель, приславшим нам необходимые для работы материалы.

- ² *Russian Literature*, XXIX, 1991, 205–228.
- ³ *Литературное обозрение*, 11, 1991, 28–35.
- ⁴ Настоящие заметки уже были отданы в печать, когда свет увидела работа Е. Погосян "К проблеме значения символа 'золотой петушок' в сказке Пушкина" (сб.: *В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана*. Тарту, 1992). Некоторые наблюдения автора (особенно 101–102), хотя и не совпадают с нашими в части выводов, близки нам по выбору ракурса, что, хочется думать, свидетельствует об известной обязательности последнего.
- ⁵ См.: Якобсон, Р. *Работы по поэтике*. М., 1987, 148–149, 177.
- ⁶ Возможно, звездочета следует рассматривать вообще не как 'дарителя-помощника', а как 'искателя', отправляющего за 'искомым' другого; Дадон же тогда выступает своего рода Тристаном, узурпировавшим чудесный дар и покусившимся на чужое 'искомое'.
- ⁷ Разрядка наша.
- ⁸ Ныне эта сакраментальная формула, наряду с прочими незабытыми площадными речениями, сделалась вполне удобной для печати, однако в 'натуральном' своем облике употребляется почти исключительно беллетристами – для воспроизведения устной речи персонажей; в других сферах словесного творчества она выступает (пока?) в замаскированном виде – см., например, следующий пассаж из статьи о московском кинофестивале: "... можно отступить к буфету, размышляя о не востребованности эротики национальной по форме – в стогу, в березках, на покосе, когда наступление (автор имел в виду "наступление". – М.Б.) на грабли с попаданием по лбу смотрится метафорой удачной эрекции ..." (*Московские новости*, 19 января 1992, 23).